

Карин Вааль

Ты пожалеешь,
что забыл меня

18+

Карин Вааль

Ты пожалеешь, что забыл меня

<https://litres.ru/72988332>

SelfPub; 2026

ISBN 1

Аннотация

Амели Вальтер приезжает в чужой город с одним желанием начать всё с чистого листа. Её новая работа это шанс забыть прошлое и построить карьеру мечты. Но судьба готовит ей жестокую игру: её начальником оказывается человек, с которым её связывают тёплые, давно похороненные воспоминания детства.

Теперь он холодный, расчётливый босс, не узнавший в ней ту самую девочку с озера. А она амбициозная профессионалка, не готовая снова стать тенью в его жизни. Между ними встают невысказанные обиды, корпоративные интриги и негласные правила игры, где каждый ход может стоить карьеры.

Это история о боли, которую носят под идеальным костюмом. О мести, которая может обернуться любовью. И о силе, которую обретаешь, когда наконец перестаёшь убегать.

Ты пожалеешь, что забыл меня напряжённый, эмоциональный роман о выборе, амбициях и цене, которую мы готовы заплатить за право быть собой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	53
Глава 5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Карин Вааль

Ты пожалеешь, что забыл меня

Глава 1

Башня «Кристалл» поднималась над городом, как застывший осколок льда — холодный, неподвижный, чужой. В её прозрачных гранях дрожало отражение серого утра, а где-то там, внизу, среди размытых пятен машин и людей, была я. Маленькая точка. Но не хрупкая — по крайней мере, такой я должна была казаться.

Автоматические двери разъехались с мягким, живым шипением. За ними начиналась другая реальность: запах дорогого кофе, холод полированного мрамора и тончайший аромат успеха, который принадлежал не мне.

Пока — не мне.

Люди проходили быстрыми шагами, смотря прямо перед собой, погруженные в мысли. Здесь никто не прогуливался — только следовал маршруту.

Я поправила пиджак. Ткань моего «стального» костюма была гладкой и прохладной — как камешек, долго пролежавший в воде. Не одежда, а доспехи.

— Извините, вы выходите?

Голос вернул меня в реальность. Женщина с натянутой чуть усталой уже с утра улыбкой прошла мимо, и я увидела, как закрываются створки лифта.

Я рванула вперёд, успев в последний момент.

— Простите, — выдохнула я, почти уткнувшись в чью-то спину, затянутую в дорогой пиджак — не чета моему. Кабина была тесной, тёплой, пропитанной ароматом дорогого парфюма и чуть влажной шерсти пальто.

Лифт дрогнул и начал подъём. Я подняла глаза и неожиданно встретилась взглядом с мужчиной. Высокий, темно-волосый, чуть нахмуренный, будто решал сложную задачу, складывая и умножая в уме шестизначные числа. Его плечо едва заметно коснулось моего — в давке это было неизбежно, но все-равно неприятно.

Он перевел взгляд вниз, скользнув мимолётом по моему успевшему устареть пиджаку, и уголок его рта чуть заметно дрогнул. Мгновение — и его взгляд снова стал отстранённым. Но я поймала себя на мысли, что дико злюсь и на него, и на себя. Я отвернулась к прозрачной стене. Город под ногами казался игрушечным. В отражении на меня смотрела женщина с собранным в идеальный пучок волосами, ровной линией бледной помады и спокойным, ледяным взглядом. Только совсем по-детски рассыпанные по щекам веснушки смягчали образ.

«Мне кранты», — пронеслось в голове, и губы тронула

дурацкая улыбка, тут же спрятавшись за заученной каменной маской.

Город был другим. Работа — другой. Я обязана была подстроиться и соответствовать. Но мне все ещё казалось, что это нереально, что кто-то просто сдвинул декорации — и я оказалась на новом уровне моей карьерной гонки.

От которой, если быть до конца откровенной, я дико устала, хоть и никогда не признаюсь в этом даже себе самой.

Лифт мягко скользил и то и дело останавливался, отмечая этажи. Люди выходили, входили, оставляя после себя обрывки разговоров, запахи парфюма, шорох одежды. Поток редел, и к тридцатому этажу в кабине остались только мы двое. Я и тот мужчина с пренебрежением в глазах. И в эту секунду, под ровный гул кабины, вдруг пришло ощущение. Не страх, не радость — что-то более трезвое. Чёткое понимание: я не просто вхожу в офис. Я вступаю в ту часть жизни, которую слишком долго откладывала.

Двери лифта разошлись. Коридор встретил меня сухим, чистым воздухом, словно здесь не работали, а проводили операции.

Мужчина вышел первым и пошёл дальше, не оглядываясь. Я шагнула следом.

Здесь на меня обрушились взгляды — рассеянные, быстрые, цепкие. Они фиксировали всё: высоту каблуков, линию пиджака, выражение лица. Но я старательно делала вид, что их не замечаю.

Пройдя до знакомого open-space — я была здесь несколько дней назад — я поставила сумку на стол, провела пальцами по стеклянной поверхности — и по привычке коснулась волос, проверяя гладкость пучка: не выбилась ли назойливая кудрявая рыжая прядь?

«Что ж... начнем?», — сказала я себе, оглядываясь по сторонам с любопытством и трепетом.

Башня «Кристалл» приняла меня. Теперь оставалось надеяться, что она не сможет просто так переварить меня или выплюнуть.

Комната для совещаний встретила меня приглушённым гулом: шелест бумаг, размеренное тиканье проектора, готовящегося к запуску, и тёплый, густой, почти осязаемый аромат свежесваренного кофе. Всё в этой комнате сияло стерильной безупречностью — от гладких поверхностей стола до профессионально вежливых улыбок, которые не менялись уже годами, став частью интерьера так же, как стеклянные стены и мягкие стулья. Здесь царили правила, не прописанные ни в одном регламенте — но именно они управляли людьми точнее любых инструкций.

Я выбрала место в конце стола, заняв ту точку, где видно всех, и можно остаться незамеченной на фоне панорамного окна. Достала новый блокнот, потянула к себе стакан с во-

дой и почувствовала прохладные капли конденсата на пальцах — мелочь, которая неожиданно вернула ощущение тела, будто напоминая: первое утро, первый вход в новую команду, и мне нужно не просто выглядеть частью этой картины, а стать ею.

В воздухе висели ожидания — невидимые, тяжёлые, как влажность перед грозой.

Двери открывались и закрывались. Люди заходили, занимали свободные места. Я бегло скользила по ним рассеянным взглядом, даже не пытаясь запомнить все лица, когда увидела его.

Его походка была мягкой и бесшумной; высокий, собранный, с широкими плечами, на которых вместе с безупречным темно-синим костюмом сидел как влитой особый шлейф влияния и власти. Светло-пепельные волосы были уложены так, что создавали иллюзию легкой беспечности, хотя в ней чувствовалось точное намерение. Линия челюсти заострилась, стала четче, будто окончательно оформленная временем, а глаза... его глаза были той самой ледяной синевой с тёплыми золотистыми всполохами, словно солнечный свет застрял в глубине айсберга.

Адриан Фостер.

Моё тело отреагировало мгновенно, нелепо, предательски — под ложечкой холодно кольнуло, сердце не ускорилося, а наоборот, на секунду пропустило удар и только потом, запоздало, рванулось вперёд. Воздух стал плотнее; я не могла

вдохнуть так же свободно, как секунду назад.

Он был моим прошлым — той главой, которую я, дрожащими руками, закрыла и пообещала себе больше никогда не открывать. И вот теперь это прошлое вошло в комнату, где должно было начаться мое будущее.

Он не взглянул в мою сторону — полоснул по собравшимся отсутствующим чуть рассеянным взглядом. Поставил планшет на стол, лениво откинул ладонью прядь волос со лба — знакомый жест, который когда-то был знаком замешательства, а теперь стал движением человека, привыкшего убирать со своего пути всё лишнее, не меняя выражения лица.

Он не изменился — он дошёл до той версии себя, к которой всегда шел. И внутри меня что-то едва слышно треснуло, как тонкий лёд в начале весны.

— Доброе утро, коллеги, — сказал он, чуть повысив громкость, требуя внимания, и его голос заполнил вмиг затихнувшую комнату — Начнём? Кто сегодня с минуткой безопасности?

Я смотрела на чистый лист блокнота и чувствовала, как к щекам подступает жар. Кто-то говорил о KPI, дедлайнах, рисках; слова будто скользили по мне, не цепляясь, как дождь по стеклу. Я чувствовала, как напряжены до отчаяния плечи, как предательски потеют ладошки. Я пыталась удержаться в настоящем — но настоящее уже было заражено присутствием прошлого.

И тогда я почувствовала его взгляд. Короткий, сканирующий.

— Мисс Вальтер, вы с нами? — приподняв брови, спросил он.

Я сначала опешила: «Помнит?!», едва заметно улыбнулась и кивнула, подняв подбородок выше, выдерживая его насмешливый взгляд.

— Добро пожаловать в команду.

Он представил ещё двоих человек — такие же новенькие, как я сама.

Я не была уверена, узнал ли он меня или просто изучал новую фигуру за столом. Но чувствовала себя полной дурой — потому что вообще думаю об этом. И это злило.

Рука дрогнула, пальцы разжались, и ручка выпала, ударившись о пол неожиданно гулко, как будто в комнате стало слишком тихо именно для этого звука.

Все повернулись.

Я наклонилась, чувствуя, как жёсткий воротник блузки цепляется за кожу, подняла ручку — и увидела на лацкане пиджака синюю полосу, расплывающуюся по ткани, как метка, которую невозможно стереть. На секунду во мне мелькнула ироничная мысль: символично. Первое пятно в безупречном новом мире.

Совещание длилось сорок минут. Но для меня это были две тысячи четыреста секунд, прожитых по отдельности — не от страха, а от той абсолютной ясности, которая приходит

всегда внезапно.

Я понимала: прошлое, аккуратно замурованное в глубокие слои памяти, не просто напомнило о себе. Оно вошло в комнату, заняло место во главе стола — и смотрело прямо на меня, ухмыляясь.

Совещание завершилось привычным, почти ритуальным хаосом — стуком отодвигаемых стульев, шелестом бумаг, сухими договорённостями «выпить вместе кофе», которые всегда означают «когда-нибудь, если вспомним». Коллеги расходились быстро, словно по команде, и я попыталась задержаться, изображая, что просматриваю заметки, но спустя несколько секунд всё равно поднялась одной из первых. Инстинкт бегства оказался сильнее любых стратегий. Тело само решило, что делать: бежать.

Мне нужно было пройти мимо него. Всего три метра. Детское расстояние для любого нормального человека. Но сейчас этот путь превратился в поле, где каждый сантиметр грозил подкинуть мину под ноги. Сердце забилося глухо и тяжело от того жёсткого, животного напряжения, которое появляется перед неизбежностью. Ноги налились свинцом, и я поймала себя на том, что бормочу себе под нос: «идiotка,

полная идиотка...».

Пальцы непроизвольно сжались, и на коже теперь уже на коже я ощутила прохладную липкость чернильного пятна — моя маленькая метка в этом стерильном пространстве, где любое несовершенство кажется почти преступлением, стала ещё заметнее.

И как будто в ответ на это внутреннее раздражение меня накрыл его запах — не волной, а мягким, плотным облаком, которое возникает рядом с человеком, чьё присутствие невозможно игнорировать. Спокойный древесный тон, ровный, уверенный, как низкий мужской голос.

Он поднял взгляд. Его глаза, которые в свете ламп казались не ледяными, а матовыми, стальными, задержались на мне на долю секунды дольше, чем положено.

— Мы знакомы? — спросил он.

Голос звучал ровно, но в самом конце фразы послышалась слабая хрипотца — та, которая появлялась у него поздно вечером, когда он говорил много, долго и уже не старался прятать усталость.

Впервые за всё утро я увидела его так близко. Морщинки у глаз — уже не от смеха, а от бессонных ночей. Тень усталости под нижним веком. И тот самый непослушный завиток волос у виска, который он всегда откидывал одним и тем же движением.

— Возможно, — ответила я тихо, но мой голос оказался на удивление ровным, почти бесстрастным. — Сегодня мой

первый день. Амели Вальтер.

«Дура, он же сам назвал твое имя!»

Он только коротко кивнул, потеряв ко мне интерес. Жест вышел деловым, сдержанным, но взгляд успел скользнуть вниз, к чернильному пятну на моих пальцах, задержаться и вернуться к записям на планшете. Он всегда умел считывать детали. И сейчас — тоже.

— Адриан Фостер, — Как будто я не знаю. — Рад знакомству.

Рад. Это слово прозвучало пусто, как формальность, произнесённая на автопилоте.

«Помнит или нет? Помнит... или нет?!»

Я позволила уголкам губ чуть приподняться — намек на улыбку, жест вежливости, который в то же время давал мне точку опоры. Сердце забилося иначе — уже не рвано, а собранно, будто перестраивая ритм под новую реальность.

— Удачи на новом месте, — произнёс он, не меняя интонации, будто ставил точку.

Диалог окончен.

— Спасибо, — сказала я, но слова растворились в воздухе между нами.

Я вышла в коридор, и только когда стеклянная дверь мягко щелкнула за спиной, лёгкие наконец раскрылись полностью. Воздух был обычным, сухим, но с привкусом свободы.

«Соберись», — подумала я, закатывая глаза.

Я ненавидела эту маленькую девочку, которая вылез-

ла из-под тщательно спаянных последними годами доспехов успешной карьеристки, которая решила бросить все и уехать в другой город. Ненавидела ее лицо с россыпью веснушек и кучерявые, похожие на гнездо, волосы. Худые колени и неожиданно пухлый живот.

И этот трепет в груди.

Пытаясь вернуться в настоящее, я сделала глубокий вдох, задержала дыхание.

Я всё ещё стояла в башне «Кристалл». Всё ещё в безупречном костюме. Всё ещё была женщиной, приехавшей начать всё с нуля.

Но теперь этот ноль был той самой точкой отсчёта, в которой стоял он.

И да — теперь мне предстояло научиться заново не только говорить, но и дышать рядом с ним. Не сбиваясь.

Коридор растянулся передо мной — ослепительно белый, безжалостно прямой туннель. Люди проносились мимо, как целеустремленные тени, а я шла, будто против течения. Внутри все звенело тонкой, высокой нотой паники, которую не могли заглушить ни костюм, ни уверенная осанка, ни привычный ритм шагов.

Я нашла уборную и захлопнула за собой дверь на замок — слабое, но необходимое укрытие. Оперлась о раковину, впиваясь пальцами в холодный мрамор, и подняла взгляд.

Из зеркала на меня смотрело чужое лицо: бледное, с горящими, словно пятнышки клубничного варенья, веснушками. Пальцы сами сжались, оставляя на ладонях красные полумесяцы от ногтей.

И вдруг меня пробило насквозь. Не мыслью — вспышкой, такой яркой, что я физически почувствовала тепло на коже и запах нагретой хвои, словно проглотила то лето целиком.

Пирс. Скрип старых досок под босыми ногами. Вода, тёплая у берега и ледяная на глубине, у самого дна. Его крик: «Отходи!» — и он бежит к воде, поднимает фонтан бриллиантовых брызг, выныривает, отряхивается, как щенок, его смех звенит чисто и беззаботно, растворяясь в воздухе, и я смотрю, затаив дыхание, веря своим детским сердцем, что так будет всегда: светло, громко, на разбеге, и никогда не закончится.

А сегодня... взгляд сканера. Холодный расчёт. Галочка в отчёте. Он смотрел на меня, словно стер ластиком ту девочку с пирса, словно всё наше солнце, смех и доверчивость были системной ошибкой, которую он давно исправил.

«Значит, я для тебя теперь — ноль? Белый шум?» — пронеслось в голове, и губы скривились в ухмылке.

Я резко повернула кран, протянула ладони под ледяную струю, плеснула воду в лицо. Холод обжег кожу, стало легче.

Хотелось выговориться, рассказать, прокричать: «Ты знаешь, кто тут босс? Знаешь?!». Но единственный человек, кто понял бы меня, спал за тысячу километров, завернувшись в одеяло.

— Дженна, мать твою, хватит спать, - пробубнила я, глядя на экран телефона и отмеряя время до другого часового пояса.

Надо выходить. Надо работать. Надо существовать в одной реальности с призраком, который решил обрести плоть. Прошное может дышать мне в затылок в лифте, сидеть в соседнем кресле на планёрке, напоминать о себе.

Но свободу решать, кем я стану в этой реальности, я оставила за собой в тот день, когда собрала чемоданы и решила приехать в этот чертов незнакомый город. И никто не имеет права ее забрать.

Тем более он!

Глава 2

Пятница медленно выдыхалась. Open-space затихал, освобождаясь от гула голосов и клавиатурной дробы. Оставались только призрачные следы присутствия людей: гаснущие мониторы, кружки с недопитым чаем и кофе, тишина, в которой звенело эхо переговоров.

Я доделывала последний отчёт. Мягкий свет лампы окутывал стол уютным ореолом, и на миг мне показалось, что я начинаю приручать это пространство из стекла и стали. Что становлюсь в нём своей.

Но вдруг ровный, механический звук лифта разрезал тишину. Двери раздвинулись. И вышел Адриан.

Мистер Фостер.

Он появился так, будто был хозяином не только компании, но и времени, которое словно текло вокруг него. Без свиты, без спешки. В руке — тонкая папка. Он держал её легко, почти небрежно, хотя я сразу поняла: внутри что-то важное — иначе большой босс не почтил бы нас своим присутствием.

Он шёл вдоль столов. Рубашка мягко струилась по торсу, рукава закатаны, открывая сильные, чётко очерченные предплечья, слегка загорелые даже осенью. Волосы слегка всклокочены, словно он не раз проводил по ним пальцами в течение дня. Теперь это был странный, почти интимный беспорядок.

рядок, который он раньше себе не позволял.

Моё тело среагировало примитивно: сначала бросило в жар, и сразу по спине пробежал лёгкий, предательский озноб, словно ток.

Мой начальник, Марк МакКинси, заметил мистера Фостера и весь подобрался, как школьник перед директором. На лице застыла смесь восторга и тревоги.

Адриан легко постучал костяшками пальцев по дверному косяку — не «можно войти?», а «я вхожу».

Они о чем-то говорили, но я не понимала ни слова: в этот момент меня накрыло воспоминание:

...Жара. Пыльный воздух, пахнувший смолой и речной водой. Скрип половиц старого пирса под босыми ногами. Я стою на краю, вцепившись в скользкое бревно, и смотрю в тёмную глубину.

— Не бойся. Держись за меня.

Его голос ещё ломающийся, но уверенный. Он протягивает руку. Ладонь шершавая от песка, тёплая, крепкая. Я хватаюсь, и в этот миг страх растворяется. С ним можно всё. Даже то, чего боишься больше всего.

В его глазах — не снисхождение, а азарт. Полная уверенность, что он меня не отпустит.

Это было первое чувство абсолютной безопасности. И первая детская, безоглядная влюблённость. Которая казалась вечной, потому что понятия «конец» ещё не существовало.

Реальность вернулась резко, как щелчок пальцами.

— Адриан! — Он уже уходил, и голос Марка прозвучал слишком громко, хоть и разговаривали они в паре метрах от меня, у его кабинета. — Насчёт проекта «Новый мост»... Я думаю, Амели Вальтер — идеальный кандидат на замену Катарины. Я понимаю, ещё только две недели в компании... но человек нужен срочно.

Я сидела, затаив дыхание, пытаюсь не отвлекаться от бесконечных цифр на экране, и старательно делала вид, что работаю. Но сама не могла выкинуть из головы мысль: «Кто она такая, эта Катарина?».

Адриан не повернул головы. Не бросил взгляда в мою сторону. Ни капли интереса. Его голос был ровным, деловым, сосредоточенным:

— Новички на «Новом мосте» — это неоправданный риск. Пусть работает с чем попроще.

Он развернулся и ушёл так же бесшумно, как появился. Не оглянулся. Не дал мне шанса поймать его взгляд.

Я сидела, и в голове стучало одно имя: Катарина. Катарина. Та самая, с кем он решил, что меня не сравнить.

Тёплая ладонь из детства разжалась. Исчезла. Оставив не боль и не обиду — а чистое, леденящее недоумение. Я сидела, ощущая на щеке невидимый след оплеухи, щелчка по носу. Вежливый, профессиональный отказ — вдвойне унижительный.

Я влетела на балкон, где обычно висел сизый дым сигарет, но сейчас, в конце рабочего дня, пахло дождем, городом и одиночеством. В ушах всё ещё звучал его голос: «Новички — неоправданный риск». Он как будто снова стер меня ластиком со своей карты реальности.

Дверь скрипнула. На пороге возник силуэт с кружкой в руке. Я обернулась и замерла, всматриваясь в смутно знакомое лицо.

Мужчина. Высокий, в простой рубашке с закатанными рукавами. Я видела его мельком в лифте в свой первый день и потом, пару раз в коридорах, — молчаливый инженер из отдела автоматизации, кажется. Он смотрел на меня не удивлённо, а оценивающе, словно решая сложную задачу.

— Фостер? — спросил он, не повышая голоса.

Я не сразу поняла, что он обращается ко мне. Потом кивнула. Слова застряли где-то в горле.

— Достал, — уточнил он, сделав глоток кофе.

Я только кивнула, не в силах выговорить ни слова. Стыд за свою предсказуемость обжигал щёки.

— Да, — выдохнула я наконец. — Похоже, я только что узнала, что являюсь «неоправданным риском».

Он сделал шаг ближе. Взгляд скользнул по моим белым

костяшкам, по напряженным плечам.

— Я думала, проблема во мне, — сказала я тише, чем собиралась. — Может, я правда чего-то не понимаю.

— Бывает, — произнёс мужчина, отхлебнув кофе. — Особенно с новичками, на которых он почему-то обратил внимание. Не бери в голову. Перед ним пока не выслужишься — будешь считаться букашкой и неумехой. Лука, кстати.

Фраза прозвучала не как утешение, а как инструкция по выживанию.

Я подняла на него глаза, пытаюсь прочесть подтекст. Кто он? Зачем говорит это? Но в его взгляде не было ни жалости, ни игры, ни даже банальной заинтересованности. Только понимание. И в этом понимании было странное облегчение: я не одна в этой чертовой ледяной башне из бетона и стекла.

— Амели.

— Приятно познакомиться, Амели. И сразу совет: не пытайся ему понравиться. Это тупик. Он уважает только тех, кто остаётся на ногах, даже когда он их пинает.

— Отличная корпоративная культура, — хмыкнула я.

— Не худшая из тех, что я видел, — спокойно ответил Лука. — Здесь хотя бы сразу ясно, с чем имеешь дело.

Дверь снова хлопнула.

Софи Леруа. Моя коллега, живое воплощение харизмы и острого ума. Её каштановые волосы слегка растрёпаны, но это выглядело как дорогой беспорядок. Золотисто-карие глаза скользнули с Луки на меня, и в них мгновенно вспыхнул

интерес.

— О, — протянула она, остановившись в шаге от нас. — Можно подслушать секреты клуба изгоев? Если собираетесь объявить кому-нибудь из великих боссов войну, ставлю на вас. Сто процентов. И вступаю в клуб.

Её слова повисли в воздухе. Дерзко и неожиданно. Мы с Лукой молча переглянулись.

— Я что-то пропустила? — спросила она, доставая сигареты. — Или это просто новый формат адаптации новичков? «Пять стадий принятия Фостера».

— Мы на стадии «раздражение», — сказал Лука. — Аме-ли знакомится с реальностью.

— А, — протянула Софи и посмотрела на меня с живым интересом. — Так вот ты какая. Та самая, про которую он сегодня полдня бурчал.

— Что именно бурчал? — осторожно спросила я.

— Что ты слишком умная для своей должности, — ответила она без тени смущения. — Поздравляю, это почти комплимент.

— Или приговор, — добавил Лука.

Софи усмехнулась.

— Не драматизируй. Приговор — это когда тебя перестают обсуждать.

Она повернулась ко мне:

— Ты, кстати, откуда такая смелая? Обычно новички сначала стараются быть удобными.

— Ошибка в стратегии, — сказала я. — Я плохо притворяюсь.

— Уже люблю, — заявила Софи. — Если вдруг решишь объявить войну системе, я в деле. Но с условиями.

— Какими? — спросила я, неожиданно для себя улыбнувшись.

— Виски в случае победы за ваш счёт, — ответила она, игриво приподняв бровь. Но в шутке звучали вызов и приглашение. — И никакого героизма в одиночку.

Лука кивнул.

— Здоровые условия. В одиночку здесь долго не выживают. «Клуб изгоев» — звучало так, словно в этой идеальной башне «Кристалла» мы были трещинами. Несовершенством. И мне это начало нравиться.

Я стояла, ощущая, как внутри всё перестраивается. Злость, которая ещё минуту назад кипела, теперь остывала и кристаллизовалась. Страх растворялся, уступая место холодному, ясному расчёту.

Я расправила плечи, разжала онемевшие пальцы и даже улыбнулась.

— Добро пожаловать в клуб, — сказала я.

Софи усмехнулась — широко, по-кошачьи. Лука кивнул, коротко и деловито, будто поставил галочку.

Может быть, у меня появились если не друзья, то приятели?

Я сделала шаг, проходя между ними, и вернулась в офис,

чтобы поскорее доделать отчет и обратиться домой. Распустить сжимающие до боли голову стянутые в пучок волосы и смыть с лица этот день.

В воздухе витало электричество заговора, начавшегося с простой невинной шутки.

Через час в опустевшем open-space воцарилась та особая, звонкая тишина, в которой слишком отчётливо слышно биевание собственного сердца. Я почти привыкла, когда голос Марка разрезал её, словно нож:

— Амели! К Фостеру. Срочно подписать документы.

Меня передернуло, словно ознобом. «Почему я? Почему сейчас?!» — пронеслось в голове.

Ладони предательски вспотели. Но под слоем паники зашевелилось что-то другое — острое, почти злое любопытство. Он сам вызвал меня? Если так, то отказаться — значит признать поражение, не начав войну.

Я добила отчёт, с силой ударив по клавише Enter. Затем медленно, в точностью снайпера, перепроверила документы в папке. Каждая цифра теперь была не данными, а боеприпасом. Ни одной ошибки. Ни единого повода для придирок.

И тут меня осенило. Я открыла новый документ, пальцы

сами вывели знакомый текст.

Это был не вызов. Это была моя голова на плахе, которую я собиралась отнести прямо ему в руки.

Поднявшись, я почувствовала, как спина одеревенела от напряжения. Коридор к его кабинету казался бесконечным, как путь к эшафоту. Ноги шли автоматически, а ум лихорадочно прокручивал сценарии: что сказать, куда смотреть, как дышать, как не выдать дрожь в голосе.

Двери лифта были закрыты, отражая искажённое, бледное подобие меня самой. На секунду в отражении мелькнуло моё лицо — каким оно было тогда: с каплями воды на ресницах и беззащитной улыбкой. Я резко моргнула. Иллюзия исчезла.

Я нажала кнопку, раздался тихий механический вздох. Скользящее движение вверх. Кабина пахла чужим, дорогим парфюмом и лимонной отдушкой средства для мытья стекол. Сердце выбивало дробь в висках, каждый его удар отдавался в черепной коробке.

Лифт остановился, я вышла. Ковер в коридоре глушил шаги, превращая меня в крадущегося хищника. До его кабинета оставалось десять шагов.

Ладони снова стали ледяными и влажными. Я стиснула папку так, что пластик хрустнул. Страх был острым, вкусным. Даже не страх — азарт. А под ним — твёрдый, холодный стержень решимости.

Я была готова. Или делала всё возможное, чтобы казаться готовой.

Дверь в его приёмную закрылась за мной с тихим щелчком. Его ассистентки уже не было. Только мы вдвоём.

Я расправила плечи, чувствуя, как натягивается на груди и плечах ткань пиджака. В зеркале шкафа мелькнуло отражение — бледное лицо с горящими глазами.

Постучав дважды в дверь я замерла, прислушиваясь к шороху бумаг.

— Войдите.

Его голос был лишён интонаций, как запись на автоответчике.

Я шагнула внутрь.

Он был один. И впервые — не на экране презентации, не через три метра, а на расстоянии вытянутой руки. Галстук валялся на столе, первая пуговица рубашки расстёгнута. Он выглядел не расслабленным, а разобранным — как сложный механизм, временно отключённый от сети. Уставший и как-то по-домашнему уютный.

Он поднял взгляд — острый, сфокусированный, сканирующий. На мгновение мелькнуло любопытство. Он, видимо, не ожидал, что подписать бумаги пошлют именно меня. Тем более, так поздно.

Я сделала три шага к столу — ровно столько, чтобы оказаться в его личном пространстве, но не переступить невидимую черту. Положила папку, а сверху — тот самый лист: заявление на увольнение. Без даты. С моей подписью.

— Что это? — в его голосе прозвучало холодное, ровное любопытство без намёка на раздражение.

Я выдержала его взгляд, пару секунд раздумывала, не присесть ли в кресло прямо напротив, но решила остаться стоять.

— Дайте мне «Новый мост».

Слова вылетели тихо и чётко. Так быстро, чтобы я не успела передумать и отступить.

— Вы понимаете, что этот проект — не учебный полигон? — спросил он, не поднимая глаз. — Там уже были сильные специалисты. Некоторые из них ушли не по собственной воле.

— Понимаю.

— И что вы сейчас делаете не ставку, а ультиматум?

— Если не справлюсь, — добавила я, глядя прямо в его ледяные глаза, — впишете дату сами.

Он медленно протянул руку, взял лист. Покрутил его в пальцах, словно изучал не бумагу, а материальное доказательство моего безумия, подписанное психиатром местной клиники.

Тишина в кабинете натянулась тетивой, густая и упругая. Я слышала, как тикают настольные часы, как шумит кровь

в ушах.

Его взгляд поднялся с бумаги на меня. Искал сомнение, блеф.

И вдруг уголок его рта дрогнул. Лёгкая, почти неуловимая ухмылка, похожее на одобрение или даже восхищение моей наглостью.

— Если провалитесь, — произнёс он тихо, — я впишу завтрашнее число собственноручно. И лично выведу вас из здания.

От слова «лично» во рту пересохло. Что это было? Угроза? Насмешка?

— Это честно, — ответила я, не отводя взгляда. — И меня устраивает.

Он на секунду замолчал. Потом откинулся на спинку кресла, продолжая смотреть на меня снизу вверх — позиция силы, к которой он был привычен.

— А если справитесь? — спросил он.

— Тогда вы получите результат, — сказала я. — И чело- века, который его сделал.

Тишина повисла плотная, напряжённая. Я слышала, как тикают часы, как где-то за стеной закрывается дверь, как собственное дыхание звучит слишком громко.

И вдруг уголок его рта дрогнул. Лёгкая, почти незаметная ухмылка. Не насмешка — скорее интерес, смешанный с чем-то похожим на уважение.

— А вообще... это будет даже интересно, Амели Вальтер,

— сказал он.

Он положил моё заявление в верхний ящик стола и добавил:

— Очень интересно.

Фраза ударила не в голову, а в солнечное сплетение, высекая всполох чистого адреналина. Это ещё не победа, а только пропуск на следующий уровень, где противники сильнее, ставки — смертельные.

Чувствуя, как внутри всё клокочет от волнения и радостного отчаяния, я кивнула, пробормотала что-то вроде «спасибо» или «вы не пожалеете», развернулась и вышла, не давая ему возможности передумать, отменить своё решение.

Воздух обжёг лёгкие — холодный и резкий. Я прислонилась к стене лифта и только тогда поняла, что почти не дышала последние десять минут.

Лифт понёсся вниз. В тёмном стекле моё отражение улыбалось — наивно и глупо, и безрассудно. Улыбкой той самой девочки с пирса, которая только что прыгнула с визгом в тёмную воду. И не утонула.

Игра началась. Первое очко — в мою пользу.

Глава 3

Ещё не начался рабочий день, когда телефон завибрировал, ударившись о стеклянную столешницу, когда я пыталась допить горький, уже ледяной кофе. Марк.

— Вальтер...

Его голос был глухим, хриплым, словно пробивался сквозь плотный слой ваты или одеяла. Я сразу поняла — ему действительно плохо. Не «плохо для отчёта», а физически, по-настоящему.

Я смотрела в монитор, где строки таблицы расплывались от усталости, но держала лицо неподвижным.

— У меня температура под сорок, — продолжил он после короткой паузы, будто собираясь с силами. — Голова вообще не соображает.

Он кашлянул, сухо, раздражённо. Не как человек, которому сочувствуют, а как тот, кто злится на собственное тело за сбой.

— По «Новому мосту»... — он замолчал на секунду, подбирая слова. — Документы к вечеру должны быть у Фостера. Вот оно.

Я почувствовала, как внутри что-то холодно щёлкнуло, словно сработал переключатель. Не страх — концентрация. Слишком знакомое ощущение: когда понимаешь, что назад дороги нет.

— Я тебе ещё письмом напишу, — добавил он уже тише, почти буднично. — Что где лежит. Основные точки.

Он не сказал «пожалуйста». Не сказал «выручишь». Это не было просьбой. Он просто взял раскалённый уголёк и положил мне в ладонь.

Я всё ещё смотрела в экран. Медленно выдохнула через нос. Почувствовала, как напряглись плечи, как ладони сами собой сжались под столом.

— Поняла, — сказала я.

Голос прозвучал ровно. Слишком ровно для человека, на которого только что повесили чужую ответственность под дедлайн и с чужими последствиями.

— Там... — начал он и снова замолчал. — Фостер будет смотреть внимательно.

— Я знаю, — ответила я.

Он помолчал дольше необходимого, словно желая что-то добавить. На мгновение между нами возникло странное, неловкое понимание: он осознавал, что делает. И всё равно делал.

— Тогда всё, — сказал он глухо. — Спасибо.

И положил трубку, не дожидаясь ответа.

Несколько секунд я просто сидела, не двигаясь. Потом медленно выпрямилась, положила руки на клавиатуру.

Горящий уголь уже обжигал ладони.

Но я не собиралась его ронять.

День сжимался в минуты. К семи вечера open-space вы-

мер, оставив после себя странную, густую тишину, наполненную призраками недоделанной работы. Я собрала бумаги в папку, чувствуя, как кончики пальцев мелко дрожат от усталости.

Его ассистентки снова не было. Повезло ей.

Дверь оказалась открыта: он стоял у края стола лицом к огромному тёмному окну, за которым суетился целый город. Рубашка помялась на спине, галстук валялся на стуле. Он выглядел не просто уставшим — измотанным. Но когда поднял взгляд и увидел мое отражение в стекле, усталость мгновенно растворилась, уступив место холодному взгляду руководителя крупной компании.

— Где Марк? — спросил он, пропуская приветствия, как будто не имел привычки тратить слова зря.

— Заболел, — сказала я и положила папку на край стола, аккуратно, почти демонстративно. — Температура. Он передал мне материалы. Я сделала всё, что смогла.

Фостер медленно поднял взгляд. Не на меня — на папку. Как на источник потенциальной ошибки. Сел, отодвинув кресло ровно настолько, чтобы не заскрипело, открыл обложку.

Я осталась стоять.

Он листал быстро. Слишком быстро для человека, который действительно читает. Это был просмотр на опасности: цифры, подписи, логика. Его взгляд зацепился за последние страницы, где начинались выводы и стратегия. Я заметила

это по тому, как он задержал палец на краю листа.

— Это что, — произнёс он наконец тихо, с той самой опасной мягкостью, — шутка?

Я не сразу ответила. В горле пересохло, но я заставила себя не сглатывать.

— Это рабочий вариант, — сказала я. — Без авантюр. С минимальными рисками.

Он усмехнулся. Коротко. Без радости.

— «Без авантюр» — это вы сейчас серьёзно? — он поднял глаза, и в них мелькнуло раздражение, которое он явно пытался держать под контролем. — Вы вообще понимаете, о каком проекте идёт речь?

— Понимаю, — ответила я спокойно. — Именно поэтому не стала играть в героизм.

Он уже собирался сказать что-то ещё — я видела это по тому, как он чуть подался вперёд, — но в этот момент на столе завибрировал телефон.

Фостер вздрогнул. Реально вздрогнул, словно его ударили током.

Он бросил на экран короткий взгляд и отвернулся.

— Да? — сказал резко, отходя к окну.

Я осталась стоять у стола, внезапно став лишней. Через пару секунд стало ясно: звонок не рабочий.

— Я сказал, всё под контролем, — его голос стал низким, почти глухим. — Нет. Я не собираюсь это обсуждать. И тем более — возвращаться к прошлому.

Он замолчал, слушая. Я видела, как напряглась его челюсть.

— Я больше не повторю своих ошибок, — продолжил он тише, но от этого только жёстче. — Хватит.

Он сжал телефон так, что костяшки побелели. Потом резко развернулся и бросил его на стол. Без «до свидания». Без финальной точки.

В кабинете повисла тяжёлая тишина.

Фостер снова сел, взял папку. Теперь он листал медленно, методично, как хирург перед разрезом. Весь гнев, казалось, остался там — в том разговоре. Здесь осталась только холодная, беспощадная рациональность.

— Переделать, — сказал он, не поднимая глаз. — К утру. Я моргнула.

— К утру... — переспросила тихо, скорее чтобы выиграть секунду.

— Именно, — отрезал он. — Мне нужен вариант, который не будет выглядеть как страх под видом стратегии.

Я сжала пальцы, но голос остался ровным.

— К утру невозможно. Даже физически. — Я сделала паузу. — Дайте время до завтрашнего вечера.

Он встал так резко, что кресло всё-таки скрипнуло. Накинул пиджак, застёгивая его на ходу. Прощёл мимо меня — слишком близко. Я почувствовала запах: усталость, дорогая кожа, горечь, как от дыма или старого кофе.

Он замер у двери. Не обернулся.

Я видела, как под тканью рубашки напряглись мышцы спины.

Прошла секунда. Потом ещё одна.

— Завтра вечером, — коротко сказал он наконец.

И вышел.

Дверь закрылась почти бесшумно.

Я осталась одна в его кабинете, почти физически ощущая гул его гнева и отзвуки чужого скандала.

— Сволочь, — прошептала я в пустоту равнодушно, собрала документы в папку и вышла следом.

Софи будет счастлива, узнав о моей наглости. А мне самой было смертельно интересно — успею ли я.

Рабочий день раскручивался слишком быстро, увлекая меня в водоворот цифр, писем и невыполнимых дедлайнов. Таблицы жили собственной, капризной жизнью, саботируя формулы, будто испытывали меня на прочность. Время ускользало сквозь пальцы, утекало, как вода, а нужная мысль — та самая, что только что мелькнула где-то на периферии сознания, — растворялась, как дым от спички, развеянный сквозняком. Я ощущала себя белкой в колесе, которая давно уже не помнит, ради чего бежит, но знает одно: стоит оста-

новиться — и инерция бросит тебя в пропасть.

Тревога не отпускала. Она обволакивала меня тихо, как ранний утренний туман, который сначала едва виден, но через минуту уже затягивает всё. Это была не паника. Скорее, холодное, ясное осознание, что я не успеваю, что нужно быть быстрее, точнее, лучше, идеальнее — иначе система выбросит меня наружу. Я впивалась взглядом в монитор, будто могла силой мысли заставить таблицу наконец подчиниться.

— Выглядишь так, будто прошла через все круги ада, — раздался рядом лёгкий, насмешливый голос, как спасательный круг, брошенный в момент, когда я сама ещё не поняла, что тону.

У моего стола стояла Софи, балансируя с двумя бумажными стаканами. От них тянулся аромат свежего, настоящего кофе — настолько яркий, что я почувствовала, как организм моментально попытался воскреснуть.

— Держи. Марк по телефону стонал, как раненый тюлень, — сообщила она вполголоса, будто передавала государственную тайну. — «Всё рухнет!». Я сказала ему расслабиться и не мешать людям работать.

Софи отхлебнула ещё кофе, скучающим взглядом окинула кабинет и добавила:

— Не волнуйся. У нас тут всё рушится строго по расписанию — каждый понедельник и каждую первую пятницу месяца. Корпоративная традиция, можешь отметить в календаре.

Я попыталась улыбнуться, но вышло скорее болезненно. Софи скользнула взглядом по моему экрану, усыпанному хаосом формул, и тихо присвистнула.

— Ого, — протянула она. — Фостер, значит.

— Угу, — коротко ответила я.

— К утру просил? — спросила она так спокойно, будто речь шла о погоде.

Я на секунду замялась, потом кивнула.

— К утру. Но я сказала, что будет готово к вечеру.

Софи хмыкнула.

— Классика. Значит, либо ты не спишь, либо он делает вид, что верит в чудеса. — Она наклонилась ближе. — Слушай, а он в курсе, что ты сейчас на этом проекте одна?

Я подняла на неё недоумённый взгляд. Софи усмехнулась, медленно, с удовольствием.

— Он терпеть не может, когда новенькие лезет в его проект. А тут ты — и Марка нет.

Я почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Я просто делаю свою работу, — сказала я ровно.

— Конечно, — кивнула Софи, не споря. — Просто Фостер так не думает. Для него ты либо ресурс, либо угроза. А если Марк тебя подставит — вот как сейчас...

Я отвела взгляд обратно к экрану.

— Марк заболел, — сказала я.

— Это ты так думаешь, — мягко ответила Софи. — А Фостер, может, иначе. Не доверяет.

Я сжала стаканчик в руках.

— Он никому не доверяет, — отрезала я.

— Это точно, — согласилась Софи.

Повисла короткая пауза. Где-то вдалеке хлопнула дверь, кто-то рассмеялся, офис жил своей обычной жизнью, будто у меня не тикали секунды.

— Помочь? — вдруг спросила Софи без тени превосходства или скрытого упрёка. — Я делала что-то подобное... на прошлом проекте. Там Фостер тоже сначала орал... Но потом согласовали без проблем. И формулы остались.

— Пока нет, — выдохнула я. — Просто... время поджигает.

— Добро пожаловать в мой мир, — хохотнула Софи, делая глоток кофе. — У всех так. Кто говорит иначе — либо врёт, либо пьёт настолько крепкий кофе, что у него уже галлюцинации. Как у меня.

Она ушла, оставив после себя не только стаканчик кофе, но и ощущение возможности союзничества, которое здесь было драгоценнее золота.

Но даже с этой поддержкой день не спешил становиться легче. Каждая исправленная ошибка порождала две новые, словно таблица не желала сдаваться без боя. Затылок немел от напряжения, пальцы превратились в деревянные палочки от бесконечного щёлканья по клавишам. А где-то глубоко внутри тикали те самые часы, что завёл Фостер — равнодушные, бездушные, неумолимые.

В столовой я механически загружала в себя салат, словно это был не обед, а пит-стоп на Формуле-1. Салат исчезал сам по себе, я даже не чувствовала вкуса. Взгляд был прикован к ноутбуку, который я так и не закрыла, — будто стоило отвести глаза, и всё рассыплется окончательно. Я пролистывала таблицы, проверяла формулы, возвращалась на шаг назад, снова вперёд. В голове щёлкало, как у перегруженного счётчика.

Напротив меня бесшумно опустился поднос. Я не сразу подняла глаза. Лука, как обычно спокойный до тошноты, кивнул на мой экран.

— Ты так на него смотришь, будто он тебя лично оскорбил, — заметил он своим тихим, немного хрипловатым голосом. — Давай вечером сверим данные. У меня свой отчёт, но к семи освобожусь.

Я подняла глаза. В его взгляде не было ни жалости, ни назидательности. Только деловое, искреннее предложение — последняя соломинка.

— Ты серьёзно? — спросила я.

— Абсолютно, — кивнул он. — Если, конечно, тебе это нужно.

Я уже собиралась ответить, когда сбоку раздался знакомый, чуть насмешливый голос:

— О, великий спасатель! — пропела Софи, появившись, как обычно, из ниоткуда и ставя поднос рядом. — Лука, ты — святая простота в этом корпоративном аду. Готов герои-

чески спасти всех и бесплатно.

Мне уже начинало казаться, что он равнодушна к Луке — не оставляла нас двоих ни на секунду.

— Только если героиня не против, — спокойно ответил Лука, позволяя мне принять решение самой.

Софи приподняла брови и посмотрела уже на меня.

— Учти, Амели, — сказала она, жуя салат, — за такую роскошь, как помощь без условий, обычно расплачиваются кое-чем страшнее, чем дедлайны.

Они оба смотрели на меня — без давления, без ожидания, без попытки показать, что знают лучше. Просто признавая моё право выбирать и моё право бороться.

В горле поднялся неожиданный, тёплый ком. Я не привыкла к помощи, которая даётся не как услуга, не как долг, не как манипуляция, а просто потому, что кто-то рядом решил, что так правильно. За все годы борьбы за пресловутую карьеру я отучила себя ждать поддержки. А тут она пришла сама — тихо, без фанфар, как будто так и должно быть.

— Спасибо, — сказала я наконец, закрывая ноутбук. Руки на секунду задержались на крышке. — Правда. Я просто... очень хочу успеть.

— А с первого раза никто не успевает, — заключила Софи, ковыряя салат быстрым, уверенным движением. — Закон джунглей: сначала ты выживаешь. Потом — начинаешь делать хорошо.

Лука лишь коротко кивнул — и в этом кивке было боль-

ше принятия и поддержки, чем в десятках мотивационных лекций.

— Тогда вечером, — сказал он.

— Договорились, — ответила я и закрыла ноутбук, собираясь нормально поесть.

Внутри что-то тихо перещёлкнуло. Да, я устала. Да, я тревожусь. Да, я могу провалиться.

Но провал вдруг перестал казаться концом света. Он стал естественной частью пути — длинного, тяжёлого, но моего. И на этом пути я неожиданно оказалась не одна.

И теперь я хотела успеть не потому что он приказал, и не только ради того, чтобы остаться, а потому что за моей спиной стояли двое, готовые подхватить, если я оступлюсь. Но отступить перед Фостером, имея таких союзников, было уже как-то... несолидно.

После восьми вечера офис погрузился в состояние анабиоза — в ту особую, вязкую тишину, которая окутывает пространство после того, как последний человек нажимает кнопку лифта. Воздух загустел, став глухим и плотным, нарушаемым лишь ровным, почти сердечным гулом системы жизнеобеспечения.

В его кабинете горел свет.

Я остановилась перед дверью, чувствуя, как пульс мерцает в ладонях, снова влажными от напряжения. Сколько раз я уже стояла вот так перед этой дверью? Пора бы привыкнуть!

Я постучала, услышала дежурное «Войдите».

Он поднял глаза, когда я положила папку на стол, и сделал попытку улыбнуться. Получилось что-то усталое, автоматическое — гримаса вежливости, которая соскользнула с его лица быстрее, чем я успела её поймать. Потом взял документы почти механическим движением и кинул: «Присаживайтесь».

Я опустилась в кресло напротив, сжимая блокнот так сильно, что тиснение на обложке отпечаталось на коже.

Он листал неторопливо — методично, с той безжалостной внимательностью, которая делает каждую секунду размером с бесконечность. Я ловила едва слышный шелест страниц, машинально выводила в блокноте резкие, угловатые линии, даже не задумываясь, что из этого выйдет, и оглядывалась вокруг, стараясь узнать чуть больше о владельце этого кабинета или о его дизайнере.

Мой взгляд привлекла картина. Она висела в дальнем углу, полускрытая тенью от шкафа, словно он пытался спрятать её от посторонних глаз. Холст был взрывным, хаотичным: чёрные, синие, багровые мазки будто не рисовали, а били кистью по поверхности. И сквозь этот хаос бежала тонкая, почти незаметная золотая линия. Она не сияла, она упорно

пробивалась, как луч света через трещину в скале.

— Красивая, — сказала я, прежде чем успела подумать. Слово сорвалось само, тихо, без расчёта.

Фостер замер. Он как раз листал документы и остановился на полудвижении, будто его окликнули по имени в пустом зале. Поднял голову и посмотрел на меня внимательно, настороженно.

— Что? — коротко спросил он.

— Картина, — я кивнула в сторону угла. — Она... цепляет. Кто её написал?

Он пару секунд молчал. Потом откинулся в кресле и вдруг усмехнулся — не своей обычной холодной усмешкой, а как-то неловко, почти не к месту.

— Я, — сказал он. — Давно.

В голосе не было гордости. Скорее осторожность, как будто он сам не был уверен, стоит ли это признавать.

Я повернулась к нему полностью.

— Вы?

— Да, — подтвердил он и добавил, чуть резче: — В этом есть что-то странное?

— Нет, — ответила я сразу. — Наоборот.

Я встала и подошла ближе к картине. Золотая линия вблизи выглядела ещё тоньше, почти случайной. Но именно она удерживала всё остальное, не давала холсту рассыпаться.

— Здесь очень много злости, — сказала я, не оборачиваясь. — И очень много контроля. Но эта линия... она про

другое.

Он встал тоже. Я почувствовала это по движению воздуха за спиной.

— Про что? — спросил он.

— Про попытку выбраться, — ответила я после паузы. — Про кого-то, кто не сдался. Кто всё ещё ищет выход, даже если уже не верит, что он есть.

За спиной стало тихо. Слишком тихо.

— Это не то, что обычно видят, — сказал он наконец. — Обычно говорят про агрессию. Про хаос. Про «интересную фактуру».

Я обернулась. Он стоял недалеко, засунув руки в карманы, и смотрел на картину так, будто видел её впервые.

— Обычно смотрят, — сказала я. — Но не всматриваются.

Он медленно перевёл взгляд на меня. В нём не было ни насмешки, ни флирта, ни желания поставить меня на место. Было что-то другое — уязвимое и опасное одновременно.

— Вы первая, кто это понял, — произнёс он тихо.

Я почувствовала странное смущение, будто залезла туда, куда меня не приглашали.

— Простите, если я... — начала я.

— Нет, — перебил он. — Не извиняйтесь.

Мне захотелось дотронуться — до картины, до него, до того, что так болезненно знакомо. Но вместо этого я только вернулась в кресло напротив и улыбнулась.

Какое-то время мы молчали, слушая шелест бумаг.

Он перевернул последнюю страницу.

— Пойдет, — сказал он, и впервые в его голосе появилась нечто похожее на уважение. — Марк в вас не ошибся.

Что-то внутри меня, зажатое с первых дней работы, вдруг разжалось. Облегчение накрыло волной — тёплой и немного нереальной.

Он посмотрел на часы, затем задержал взгляд на мне — долгий, пристальный.

— Поздно. Вас подвезти? — спросил он.

— Я могу сама...

— Нет, — перебил он спокойно, уже надевая пиджак. — Идёмте.

Я поднялась. Ноги чуть подкашивались, но спина была прямой, а дыхание ровным. Мы шагали по темному, застывшему офису, и наши шаги звучали удивительно синхронно.

Впервые за этот бесконечно тяжёлый день я не чувствовала себя побеждённой.

Я чувствовала себя равной.

Дождь начался ровно в тот миг, когда мы переступили порог «Кристалла», будто всё это время терпел и ждал на-

шего появления. Крупные, тяжёлые капли забарабанили по крыше его чёрного седана, превращая пространство вокруг в гулкий, почти ритуальный шум. Воздух наполнился запахом озона, мокрой земли и остывающего от дневной неожиданной в разгар осени жары города — смесь, от которой хотелось дышать глубже.

Он молча завёл двигатель, щелчок моего ремня безопасности разрезал плотную тишину салона неожиданно громко. Внутри было тепло, немного душно — почти интимно. Стёкла стремительно запотели, отделив нас от всего внешнего мира. Мягкое освещение приборной панели скользило по его рукам и лицу, подчёркивая жёсткую линию челюсти. Он выглядел не просто уставшим — истощённым, как человек, который весь день стоял на внутренней границе, охраняемой только силой воли.

Машина плавно тронулась, и город растаял за окнами размытыми, дрожащими мазками света. Красные, жёлтые, белые нити огней растягивались в акварельные следы, как будто кто-то провёл мокрой кистью по ещё не высохшей ночи. Снаружи мир превратился в иллюстрацию — а мы оказались внутри тишины, густой, почти материальной.

Молчание между нами было другим — не пустым, не отчуждённым, а слишком наполненным, чтобы его нарушать. Моё — вязкое от усталости. Его — натянутое, как тетива. Дворники мерно смахивали дождь с лобового стекла. Город за окном расплывался огнями, превращаясь в фон, не тре-

бующий внимания.

— Ты чёртова упрямица, — сказал он наконец, внезапно переходя на «ты». Голос звучал низко, ровно, без эмоций, как сухая фиксация факта, который он отметил где-то внутри себя.

Эти слова прозвучали не как оценка, а как признание. Мне показалось, что он говорил это не столько мне, сколько своему собственному представлению обо мне.

Я повернула голову. Свет светофора на секунду залил его профиль оранжево-красным, и в этом резком освещении он вдруг перестал выглядеть холодным и жёстким. Просто уставшим. Слишком ответственным. Слишком привыкшим всё держать под контролем.

— А вы — профессиональный мудак, — ответила я так же ровно, почти буднично, как будто мы обсуждали погоду.

Сказала и тут же пожалела. Внутри что-то содрогнулось. «Что ты творишь?!».

Все это бесконечная работа, бесконечная усталость и бесконечный дождь...

Он коротко, почти беззвучно хмыкнул, не отрывая взгляда от дороги.

— Привычка, — бросил он. — Профессиональная деформация.

— Сочувствую, — улыбнулась я, расслабляясь. — Должно быть это тяжело.

— Зато эффективно, — отозвался он. — В отличие от

упрямства.

— Упрямство — это когда человек идёт против всех, — парировала я. — А я хочу работать в команде.

Он на секунду сжал руль сильнее. Машина мягко вошла в поворот.

— В моей системе координат, — произнёс он медленно, — люди либо выдерживают давление, либо нет. Всё остальное — лирика.

— А в моей, — ответила я, — люди либо думают, либо подчиняются. И это не одно и то же.

Он усмехнулся — уголком губ, почти незаметно.

— Ты опасная, Вальтер.

— Это комплимент? — уточнила я.

— Предупреждение.

— Тогда вы тоже, — сказала я. — Опасный. Просто привыкли, что вас боятся, а не спорят.

Он бросил на меня быстрый взгляд — оценивающий, цепкий. Я вспомнила про своё заявление у него в верхнем ящике стола и прикусила нижнюю губу, чтобы хоть так заставить себя заткнуться.

— Ты права. Большинство предпочитает молчать. — протянул Адриан.

— Большинство хочет выжить, — пожала я плечами. — Я хочу работать. Нормально.

— В этой компании это почти одно и то же, — сухо заметил он.

Мы снова замолчали. Дождь усилился, барабания по крыше. Я чувствовала, как усталость постепенно отпускает, уступая место странной ясности. Сейчас здесь в этом дожде с ним было... напряжённо. Но честно. Без привычной офисной фальши.

— Почему вы вообще согласились взять меня на проект? Я же... неразумный риск? Так, кажется? — спросила я вдруг, не глядя на него.

Машина остановилась на светофоре. Лицо Адриана окрасилось в красный.

— Потому что Марк редко ошибается, — сказал он. — И потому что ты не пыталась мне понравиться.

— Я пыталась выжить, — усмехнулась я.

— Вот именно, — сказал он и снова посмотрел на меня. — Это разные стратегии.

Светофор переключился. Он тронулся.

— И что теперь? — спросила я тише. — Я всё ещё «неоправданный риск»?

Он медленно выдохнул.

— Теперь ты — неизвестная переменная, — ответил он. — А я не люблю переменные.

— Зато они делают систему живой, — сказала я.

Он снова усмехнулся, уже открыто.

— Ты это ещё докажешь.

Дорога исчезала под колесами, лужи разлетались каплями по тротуарам и зазевавшимся прохожим. Я почти уснула и

снова увидела то наше лето.

Пахнувший смолой воздух. Скошенная трава, сладкая до тошноты. Пыльная дорога к озеру, уходящая в дрожащий горизонт. Он с другими мальчишками постарше — впереди, на велосипеде с облезлой красной рамой. Поворачивает голову, щурясь от солнца:

Его смех звонкий, хрипловатый. Он растворяется в бесконечном гуле кузнечиков, будто вся природа подыгрывает этому детскому крику.

— Не отставай, Мелкая!

Машина резко затормозила, пропуская отчаянных пешеходов, решившихся на безумную прогулку под дождем. Реальность врезалась в меня, будто ледяная вода окатила с головой. Остался только шум дождя и ровное урчание мотора.

Его пальцы чуть сильнее сжали руль, мускул на щеке дрогнул. Он хотел что-то сказать — и передумал.

— Приехали, — произнёс он глухо, когда машина остановилась у моего дома.

— Спасибо, что подвезли, — сказала я и потянулась к ручке двери.

— Амели, — окликнул он.

Я обернулась.

— Не путай уважение со слабостью, — сказал он спокойно. — Со мной просто не будет.

— А я не стану удобнее, — ответила я.

Он кивнул. Как человек, который услышал именно то, что

ожидал.

Я неловко повернулась, поправляя сумку на плече, чтобы выйти из машины, и оказалась чуть ближе к нему, чем позволяли правила приличия. Ближе, чем позволяет здравый смысл. Настолько близко, что различила тонкие морщинки у глаз, тень от ресниц на щеке, едва уловимый запах его дыхания с примесью кофе.

Этот момент был опаснее любого конфликта.

Он замер, нахмурился, чуть отстранился. Я увидела, как нервно дернулся кадык.

— Спокойной ночи, мисс Вальтер, — произнёс он еле слышно. Шёпотом, который почему-то прозвучал громче крика.

Я что-то пролепетала в ответ, распахнула дверь, и холодный ливень обрушился на меня, смывая влажный воздух салона, его взгляд, эхо прошлого. Захлопнув дверь, я побежала к подъезду, чувствуя, как по лицу текут почему-то солёные капли.

Он уехал не сразу. Я чувствовала его взгляд на своей спине, но не обернулась. Обернуться означало открыть дверь тому, к чему я точно не была готова. Или — впустить катастрофу, от которой уже не уйти.

Забежав в пропахший свежей краской подъезд, я прислонилась к стене.

— Это катастрофа. - пробормотала кому-то невидимому рядом.

Самая сладкая и неизбежная катастрофа из всех возможных.

Глава 4

Отель «Атмосфера» идеально подходил для корпоративных вечеринок и всегда казался мне чем-то вроде параллельной вселенной. Не частью города, а его безупречной, глянцевой обложкой — той, что не мнётся, не пачкается, где воздух чище, а улыбки — дороже. Наверху, на балконе, царила та самая тишина, которую можно купить. Внизу — всё остальное.

Пятница. Девять вечера.

Я вошла внутрь банкетного зала, и шум накрыл меня, как горячий душ после холодной прогулки. Музыка била в пол, отзываясь вибрациями в ступнях. Голоса сплетались в одну плотную, тяжёлую волну, переливаясь оттенками смеха, громкого разговора, чьих-то криков, тостов, нетрезвых признаний. Воздух был насыщен чем-то густым, тёплым, сладко-горьким. Духи смешивались с алкоголем, запахом тела, теплом прожекторов, влажным дыханием сотни людей.

Всё сияло. Всё двигалось. Всё жило так, будто завтра не наступит.

Платья искрились, юбки летели, галстуки уже давно лежали в карманах, а рукава были закатаны выше локтей. Здесь люди были живыми — в первый раз за много недель. Здесь снимали маски. Здесь говорили громко. Здесь позволяли себе жить.

Я была в чёрном. Платье-футляр облегло моё тело, подчеркивало каждую линию, к которой я сама давно научилась относиться как к данности. Спина полностью открыта — непривычное ощущение воздуха там, где обычно натягивалась плотная ткань костюма. Я чувствовала себя такой... незащищённой! И от этого почему-то свободной. Как будто сняла с себя броню и, вдруг, не умерла.

Софи нашла меня мгновенно — её глаза сияли, как у человека, который наконец вырвался из клетки.

— Да ты просто бомба в человеческом обличье! — прокричала она мне на ухо, оценивая мой образ с таким восторгом, что я снова почувствовала себя неловко.

— Спасибо, — пробормотала я, пытаюсь улыбнуться.

— Лука сейчас потеряет способность разговаривать, — добавила она с явным удовольствием, кивая в сторону стойки бара.

Я обернулась. Лука сидел там спокойно, чуть улыбаясь, но его взгляд задержался на мне дольше обычного. Приятно, но я не испытала ни трепета, ни интереса. Просто ровная, дружеская оценка.

— Прекрасно, — фыркнула я, пытаюсь прикрыть лёгкое раздражение. — Хоть кто-то сегодня помолчит.

Софи усмехнулась и слегка ударила меня локтем.

— Не слишком уверена, что он вообще молчит, когда думает о тебе, — сказала она шепотом, в котором я слышала нотки ревности.

Я пожала плечами.

— Пусть думает, — отрезала я. — Мне всё равно.

Софи только фыркнула, и я заметила, как её взгляд на Лука стал резче, режущим, как лезвие.

Лука подошёл к стойке, и его спокойствие стало почти осязаемым — он встал перед нами, улыбка мягкая, без игры, глаза ясные и добрые.

— Привет, — сказал он, и я кивнула в ответ. Его взгляд задержался на мне, но я ответила ровно, не выдав эмоций.

— Привет, — Софи тут же влезла в разговор, подталкивая меня в сторону бара. — Итак, наш спаситель здесь. Лука, приготовься — ты сегодня в ответе за нас обоих.

— Обоих? — переспросил Лука, глядя на меня. Его голос мягкий, дружеский, в отличие от напора Софи.

Я кивнула, не испытывая ничего особенного. Он мне нравился как друг, как человек, на которого можно положиться, и на этом всё.

Мы взяли шоты — соль на кожу, кислый лимон, холодное стекло в пальцах. Я вдохнула аромат текилы, будто собираясь с духом, и сделала глоток — обжигающий, тянущий огненной полосой от губ до желудка. Мир качнулся и стал чуть мягче.

— Эй, не смотри на меня так, будто я могу сломаться, — крикнула я Луке, стараясь заглушить музыку.

— Да ты не сломанная, ты взрывчатка, — рассмеялась Софи. — Но, пожалуй, этого кавалера я тебе сегодня не отдам.

Софи подхватила Луку под локоть, повиснув на нём и смеясь.

— Софи... — Лука сделал шаг в сторону, будто предупредить её мягко.

Мы взяли ещё шоты, сделали глоток. Музыка закрутилась вокруг, свет мигнул в такт.

Я почувствовала прилив лёгкости, почти игривости.

— Ладно, пойдём танцевать, — сказала Софи, потянув меня за руку.

Мир вокруг стал мягче, и впервые за долгое время я позволила себе быть не идеальной, не напряжённой, просто живой.

Я качнулась в ритм — и в этот момент подняла глаза.

VIP-зона парила над залом, как другой мир. Мягкий свет, стеклянные стены, приглушённые движения. Там всё было медленнее, тише, аккуратнее. Люди двигались так, словно их тела стоили дороже, чем эмоции. Там не пили шоты. Там не кричали тосты. Там не танцевали — там писали бизнес-планы.

И среди этих силуэтов — он.

Адриан Фостер.

Он стоял у стекла, будто наблюдал за экспериментом. Чёрный костюм — идеальный, строгий, слишком безупречный для этого хаоса. Бокал виски в руке. И взгляд. Ровный. Неподвижный. Сосредоточенный.

Мне казалось, он смотрит прямо на меня, как будто видел

то, что я сама в себе давно забыла.

Я нахмурилась, отвела глаза, будто этот взгляд мог прожечь кожу. Глотнула ещё из бокала, засунутого мне в дрожащие пальцы вездесущей Софи — вино, шампанское, неважно, лишь бы чуть расслабиться. Но даже спиной я чувствовала: он всё ещё там. Смотрит.

Лука обнял меня за талию.

— Эй, ты где? — спросил он тихо, наклоняясь к моему уху. — Всё нормально?

— Да! — я попыталась улыбнуться, но губы слушались плохо. Пальцы вспотели, дыхание стало коротким. Тело выдало всё то, чего я не сказала.

Я снова посмотрела вверх.

Адриан смотрел не на толпу. Не на зал.

На меня. И на руку Луки, лежащую у меня на талии.

Мурашки пробежали по коже, словно маленькие ножи.

Это было слишком личное. Слишком сильное. Так никто не должен смотреть.

Как угодно — только не так.

— Эй! Хватит пялиться на богов Олимпа! — Софи схватила меня за запястье и потянула на танцпол. — Пока не затянуло в эту черную дыру.

Я позволила увести себя на танцпол, ещё до того, как я успела принять это решение. Музыка стала плотнее, громче, горячее — будто её волны проходили прямо через тело, заставляя его отвечать ритму. Движения становились всё сме-

лее, почти вызывающими — не потому что я хотела произвести впечатление, а потому что пыталась справиться с тем, что происходило внутри.

Я чувствовала его взгляд — или только думала, что чувствую. Фантазерка! Но каждый мой поворот, каждый короткий смех, каждая чуть слишком яркая улыбка, брошенная Луке — всё это складывалось в единую линию, в странный, невольный спектакль. Я не планировала его, но остановиться тоже не могла. Как будто я сама стала частью сцены, освещённой прожекторами.

Я протянула руку к стойке, взяла очередной шот и выпила так быстро, будто пыталась затушить пожар. Но огонь внутри только вспыхнул сильнее.

Даже слишком. И именно в эту секунду всё стало кристально ясным.

Эта вечеринка — всего лишь красивая ширма, тонкая плёнка поверх того, что реально происходит. Антракт перед частью, которую уже нельзя остановить. Музыка, свет, шутки — всё это фоновый шум, за которым прячется то единственное, что действительно важно.

Он смотрел сверху вниз — спокойно, тяжело, будто изучал мою реакцию по секундным стрелкам.

А я — снизу вверх. И что-то звенело во мне от напряжения, от страха, от желания, от воспоминаний.

— Мы уходим! — Софи снова схватила меня за руку и увела из на улицу, где уже ждал Лука с моим пальто.

— Куда? — я подчинилась, но обернулась назад, и увидела только блики на стеклянной стене VIP-зоны.

Такси, дорога под колеса, громкий смех Софи и плечо Луки прижимается к моему плечу, а его рука — к моему колену.

Ночной клуб «Неон» встретил нас стеной звука, от которой вибрировал воздух. Стробоскопы вспарывали пространство резкими вспышками, превращая реальность в хаотичный набор мгновений, а бас будто ладонью давил на грудную клетку, подстраивая мой пульс под свой ритм. Из динамиков лился такой бешеный поток энергии, что казалось, весь накопленный за неделю стресс толпы изливался на танцпол, смешиваясь с дымом, потом и смехом.

Я была почти невесомой — от текилы, от адреналина, от звонкого, радостного смеха Софи. Она тянула меня в самую сердцевину клуба, туда, где музыка звучала громче. Её волосы под неоновыми лампами отливали насыщенным синим, и казалось, что всё вокруг движется в водовороте света.

Лука держался рядом, чуть позади, улыбался, но я видела, как его взгляд снова и снова возвращается ко мне — прове-

рвет, не потерялась ли, всё ли в порядке.

Мы кружились в плотной, пульсирующей массе людей, теряя границы между телами, между собой и миром. Я чувствовала полёт — и впервые за многие годы это была настоящая жизнь. Запретная — я сама себе её запрещала, — но настоящая.

Совсем как тогда, летом...

...Гараж. Полутёмный, пахнущий ржавчиной, сыростью и чем-то запретным. Сгущающиеся сумерки ложились на бетон полосами. Ему пятнадцать — почти мужчина, но ещё держащийся за свою мальчишескую наглость. В руках — помятая пачка сигарет, добытая, кажется, с риском для жизни. Вокруг — целая толпа ребят, таких же как мы сами, сбавренных на лето за город бабушкам и дедушкам.

— Только никому, Мелкая. Это наш секрет.

Он протягивает мне сигарету, наши пальцы соприкасаются. Я затягиваюсь, кашляю, он смеется. В этом привкусе горечи есть что-то неожиданно сладкое — в его внимательном взгляде, в лёгкой усмешке, в ощущении, что рядом со мной человек, готовый нарушать правила просто потому, что может.

И тогда, в этом тёмном гараже, я поняла что такое запретный плод. И что его вкус — это вкус табака и такой хрупкой свободы. Я влюбилась не в него. Я влюбилась в то, что мир может быть острым, как лезвие, и сладким, как грех.

Музыка резанула по ушам — рёв, свет. Я открыла глаза и

увидела его. И запах клуба — дыма, парфюма, пота — на секунду сменился запахом ржавчины и табака из того гаража.

Адриан стоял всего в двух метрах. Не в VIP-зоне, не в стороне — здесь, в самой гуще танцпола, среди дыма, запахов и разноцветных бликов. На нём была простая чёрная рубашка с закатанными рукавами, открывающими сильные предплечья. Он стоял неподвижно, слишком спокойно, и эта неподвижность не вписывалась в неумолкающую людскую массу.

Сердце пропустило удар и сорвалось в бешеный галоп.

— Эй, мы тебя теряем! — крикнула Софи мне прямо в ухо, хватая за запястье. — Ты как? Вид у тебя... странный. Будто призрака увидела.

— Жарко, — выдохнула я, и это было почти правдой. От того, как он смотрел на меня, кожу будто обжигало.

Он сделал шаг прямо к нам и остановился. Музыка продолжала греметь, свет — мелькать, но всё это отступило, свернулось в плотный, узкий тоннель, на конце которого стоял он.

Я попыталась двигаться дальше — танцевать, смеяться, раствориться в ритме, — но каждое движение становилось осознанным, натянутым, будто я снова выступала на сцене. Я буквально чувствовала, как его взгляд скользит по моей открытой спине, по линии шеи, по пальцам, обхватившим стакан. Это было настолько нагло, что казалось неприличным. И при этом — неизбежным.

Лука наклонился ко мне ближе.

— Амели? Ты бледная. Может, выйдем? Ты точно в порядке?

Лука развернулся, и его взгляд на секунду скользнул через мое плечо. Я увидела, как его глаза сузились, а улыбка сползла с лица. Он увидел Адриана. И понял. В его взгляде промелькнуло не удивление, а холодное, быстрое осознание — и что-то ещё, похожее на ревность.

— Точно! — сказала я слишком резко и засмеялась, уводя его дальше в толпу. — Нет... всё нормально. Просто... жарко.

Но ничего в этой ситуации не было «нормально».

Адриан Фостер стал центром моего внимания, забрал его полностью. Я видела, как он медленно делает глоток из бокала, как его горло движется под кожей, как на секунду его взгляд задерживается на руке Луки у меня на талии. И как на губах появляется ухмылка.

Внутри меня всё одновременно сжалось и вспыхнуло. Мурашки побежали по коже не от холода, а от этого взгляда. В животе ёкнуло знакомым, давно забытым сладким спазмом страха и желания, которые всегда были неразделимы. Восторг от его силы. Злость на эту же силу. И дикое, неконтролируемое влечение, которое тянулось из того гаража, из прошлого, которое, как выяснилось, не прошло — оно просто ждало своего часа.

Я сделала глубокий вдох, попыталась улыбнуться Луке, подхватить шутку Софи, но всё получалось фальшиво, как

плохой дубляж. А он продолжал смотреть, читая меня по мельчайшим движениям губ, по частоте дыхания, по биению вены на шее. Словно ждал, когда я сама сделаю шаг к нему. Или сбегу, испугавшись. Или и то, и другое сразу.

Лука отвернулся к бару, его фигура тут же растворилась в толпе — и в тот же момент пространство будто сжалось.

Холодное, а затем мгновенно обжигающее прикосновение сомкнулось на моём запястье. Он не тянул. Он вёл, рассекая толпу. Люди, стробоскопы, клубные клубы дыма — всё расступалось перед ним. А я шла следом, почти бежала, едва успевая переставлять ноги, ощущая, как сердце стучит в висках.

Внутри бурлила дикая, противоречивая буря: возбуждение от его дерзости, паника от потери контроля и глубокое, тёмное чувство капитуляции, которое шептало: «Да, наконец-то».

Музыка отступила, превратившись в глухой, пульсирующий гул — словно сердце спящего монстра. Неон заливал нас волнами: то кроваво-красными, то морозно-синими, окрашивая его профиль.

Мы вышли на террасу, и ночной воздух ударил в лицо:

резкий, отрезвляющий, смешанный с запахами дыма сигарет и остатками моего парфюма.

Он развернулся и одним плавным движением прижал меня к холодному мрамору фасада. Я чувствовала его тепло, напряжение. Я чувствовала его руки на своей незащищенной спине.

Тишина зазвенела. Лишь наше дыхание — его ровное, сдержанное, моё — прерывистое и частое. Глухой бас из клуба отдавался в мраморе под моей спиной тонкой вибрацией.

Я сдавленно фыркнула, пытаюсь выдать дрожь в голосе за насмешку:

— Что, правила нарушаем, мистер Фостер? Нельзя отвлекать сотрудников от... тимбилдинга. И это похоже на...

Слова «сексуальное домогательство» я произнести не смогла.

Он медленно поднял взгляд с моего лица, скользнул глазами по губам и задержался там. В его взгляде читалось больше, чем слова могли передать — анализ, оценка, напряжение.

— А что, мисс Вальтер, — начал он тихо, почти шёпотом, — если я решу, что правила слишком скучны? — Он улыбнулся едва заметно, но в голосе звучало предупреждение.

Я выдохнула, пытаюсь сохранить равновесие, и встретила его взгляд ровно:

— Тогда это уже не тимбилдинг, а... нарушение протокола, мистер Фостер. — Слова вылетели легко, но сердце про-

должало бешено стучать. — Вы же не хотите, чтобы я пожаловалась?

Он наклонил голову чуть ближе, дыхание коснулось моих волос.

— А если я скажу, что жаловаться бессмысленно? Тем более... что начальник здесь я. — Его голос был мягким, но в каждом слове слышалась стальная уверенность. — Ты слишком много думаешь о правилах, Амели. Иногда стоит просто... действовать.

— Действовать? — переспросила я, не отводя взгляда, пытаюсь сдержать дрожь и не показать страх. — Вы уверены, что это безопасно? Для вас и для меня?

Он медленно улыбнулся, чуть наклоняя лицо ближе к моему, и в этот момент мир сжался до одного дыхания:

— Я всегда уверен, — сказал он тихо.

Я почувствовала, как напряжение в теле растёт, как кровь стучит в висках. Резкий выброс адреналина смешался с опаской и... странным предвкушением.

— Если вы думаете, что я отступлю первая... — Голос дрожал, но в нём была попытка бросить вызов.

Он нахмурился, уголки губ приподнялись в провокационной полуулыбке:

— Я думаю, — тихо, почти шепотом, — что ты знаешь, как далеко можно зайти. И это делает вечер всё интереснее.

Его взгляд медленно скользнул от моих глаз к губам и задержался там. Он изучал их, словно читал по еле заметной

дрожи и следам вина и текилы. А потом, без предупреждения и намёка, наклонился и поцеловал.

Вкус выдержанного виски — дорогого и горького — смешался с привкусом его кожи, с его властью и подавленной яростью. Одна рука держала мою талию, другая вплелась в распущенные волосы у затылка, не больно, но окончательно принуждая меня подчиниться.

Мой мир сжался, схлопнулся. Остались: холодный фасад за спиной, жар его тела в сантиметре от меня, неоновые полосы, бегущие по его скулам, и этот вкус.

Я ответила сначала инстинктивно. Потом сдалась. Отпустила всё: контроль, обиду, страх. Позволила запретам рассыпаться на мелкие осколки. Я растворилась в этом голоде, который был и моим тоже.

Когда он отстранился, на секунду в его глазах, ещё тёмных от желания, мелькнуло что-то знакомое — мальчишеская дерзость, та самая, с которой он протягивал мне сигарету в гараже. И так же быстро исчезло, уступив место привычной, ледяной глубине.

Я осталась стоять, прижатая к ледяному мрамору, ловя ртом холодный воздух. Губы горели, волосы растрепались от его пальцев, тело помнило каждый след прикосновений. Внутри всё звенело от шока и адреналина.

Весь клуб, Лука, Софи, музыка — всё стало далёким шумом. Существовали мы и невысказанное, но осязаемое «Что дальше?».

Мои ладони врезались ему в грудь — резкий жест чистого инстинкта самосохранения. Он отшатнулся на полшага, и этого крошечного расстояния хватило, чтобы я наконец смогла дышать. Губы ещё горели от его поцелуя, а ноги уже стремились бежать.

— Я... не могу, — выдохнула я в пространство между нами. Это прозвучало не как отказ ему, а как признание самой себе. Сейчас — не могу. Потому что если останусь хоть на секунду дольше, что-то внутри треснет. Последний хрупкий слой, который ещё удерживал меня в роли «просто сотрудницы».

Я резко развернулась. Ноги сами несли меня вперёд, отталкиваясь от мокрого асфальта террасы, проскальзывая между телами у входа в клуб. Я почти слетела вниз по лестнице, едва касаясь ступеней, хватая ртом ночной воздух.

Дождь бил в лицо острыми струями, смывая с кожи его запах, его тепло, его вкус. Неоновые вывески расплывались в лужах кислотными пятнами, отражались в мокрой брусчатке.

Я вскинула руку, и жёлтое такси резко затормозило, вздымая брызги. Я рухнула на заднее сиденье, захлопнула дверь

— и этот глухой удар мгновенно отрезал весь внешний мир. В салоне пахло старым коззамом и сыростью.

— Адрес? — бросил водитель, даже не взглянув на меня.

Я не слышала и не могла говорить. Пальцы прикоснулись к губам — они пульсировали, словно обожжённые. Я всё ещё чувствовала этот вкус: горьковатый виски, сладость моего блеска для губ. Он въелся, словно татуировка. Я прикусила нижнюю губу, и по телу пробежала новая, предательская дрожь — уже точно не от холода. Я тихо фыркнула и рассмеялась в ладонь.

— Дура, — прошептала я хрипло. — Зачем сбежала? Он же... он же...

— Девушка. Адрес! — напомнил водитель, смотря на меня в зеркало заднего вида.

Я с трудом вспомнила улицу и дом. Такси сорвалось с места. За окном город растёкся размытой акварелью из света и воды. И в последний миг я увидела его.

Он стоял под потоками дождя у входа в «Neon». Не двигался. Руки в карманах, плечи — прямые, жёсткие. Он не пытался догнать. Не окликнул. Просто смотрел вслед уезжающей машине. И в этой абсолютной, ледяной неподвижности было больше силы, чем в любой погоне. Словно всё лето нашего детства сжалось в эту одну, мокрую, тёмную точку в ночи. И из неё теперь выросло наше взрослое, сложное, невозможное настоящее.

В груди вспыхнул странный коктейль — смесь ужаса и

острого, пьянящего восторга. Потому что после всех этих лет он снова был в моей жизни — не как призрак прошлого, а как человек из плоти, тепла и голода, который до сих пор оставался на моих губах.

Я прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза. Тело помнило каждый штрих: железную хватку на запястье, холод мрамора в спину, жар его тела, вкус его губ. Всё внутри бурлило, как шампанское, взболтанное штормом. Я сидела мокрая, уставшая, растрёпанная — но живая каждой клеткой, каждым нервом, каждым ударом сердца.

Впервые за бесконечно долгое время я не «функционировала». Не «выживала». Не «строила новую жизнь».

Я просто жила. Ярко, больно, неистово, глупо, беспомощно и восхитительно свободно в своём падении.

Тишину такси снова прорезал мой тихий, дрожащий, совершенно счастливый смешок:

— Дура... Самая счастливая дура на свете.

Глава 5

Понедельник начался со звонка будильника и слишком крепкого кофе, который обжигал язык. Пока я шла в офис, в голове крутились десятки вариантов того, как будет выглядеть наш первый рабочий день после... того вечера. Я репетировала, как войду, как выпрямлю спину, куда посмотрю. Пройду мимо него деловым шагом, будто ничего не случилось? Или кивну и улыбнусь?

Я решила держаться версии «ничего не было». Это казалось самым безопасным. Если я смогу в это поверить, то, может быть, и он тоже.

Коридоры «Кристалла» встречали своей обычной, стерильной рутинной: шум принтеров, стук клавиш, короткие реплики из переговоров. Но сегодня всё казалось громче. Каждая мелочь напоминала о нём. Я буквально чувствовала, как меня тянет к его кабинету, будто я стала его марионеткой, а он дергал за ниточки.

Я представляла, как увижу его за столом: немного помятый после выходных, но собранный, сосредоточенный. Я заранее готовила выражение лица, чтобы не выдать ни дрожи, ни ускоренного дыхания.

Но все планы развалились в момент, когда я по какой-то выдуманной причине поднялась на его этаж.

Его кабинет был пуст. Стеклоанная стена отражала толь-

ко серое утро и несколько офисных растений. Кресло стояло ровно, монитор был выключен. Не было даже ассистентки в приемной.

К обеду я уже знала последнюю новость: «Фостер улетел в Берлин. Срочные переговоры. Будет к концу недели».

Не туда ли перевели Катарину? Ту самую, чье место на проекте «Новый мост» заняла я...

Я ловила на себе взгляды. Быстрые, оценивающие. Сравнивали меня с ней? Или это всего лишь моя паранойя...

Мне казалось, что некоторые из этих взглядов говорили и другое. И голове пульсировало: «Они знают. Они знают. Они знают!».

Сердце нырнуло куда-то вниз, словно под ребрами стало пусто. Я глубоко вдохнула, пытаясь вернуть себе хоть какой-то контроль.

Ничего не было. Никто ничего не знает. Всё нормально. Работай.

Марк бегал по отделу, раздавая приказы. Вопросы накапливались и висели в воздухе, словно призрак начальника всё ещё стоял рядом.

Я открыла почту. Пусто. Чаты — только короткие рабочие сообщения с пятницы. Я перечитывала его письма по проекту, выискивая между строк «доброе утро» или «как дела?», которых там никогда не было и не могло быть. Искала хоть одну опечатку — свидетельство того, что он писал это поздно ночью, уставший, может быть, думая о чём-то ещё. Но там

была только безупречная, мёртвая работа.

— Ты на связи? Или уже где-то в облаках?

Я вздрогнула, обернулась и увидела Луку. Он стоял так близко, что я могла почувствовать лёгкий аромат его парфюма, смесь цитруса и холодного ветра, залетевшего через окно. Его взгляд был пристальным, цепким, словно он пытался прочесть не только цифры на моем экране, но и мои мысли.

— Всё нормально, — выдавила я, пытаюсь улыбнуться и вернуть себе хотя бы видимость спокойствия.

— Ничего нормального в тебе уже третий день нет, — тихо сказал он, чуть наклонившись, чтобы его слова звучали только для меня. — Ты куда пропала в пятницу?

Я не успела ответить — Софи материализовалась рядом почти бесшумно. Пихнула меня локтем в бок.

— Ох, я знаю этот взгляд, — прошипела она слишком громко, едва сдерживая улыбку. — Так смотрят девчонки, у которых были... насыщенные выходные. И которые теперь пытаются сделать вид, что это им привиделось.

Щёки вспыхнули огнём. Я уткнулась в клавиатуру, будто могла спрятаться в её клавишах. Он поцеловал меня — и исчез. Улетел. Оставил меня разбираться с этим одной: со стыдом, со злостью, с этим глупым ожиданием, которое склеивало внутренности, как клей.

Лука нахмурился, наклонясь к Софи:

— Ты чего, Софи? Не начинай с ней свои игры.

— Игры? — Софи сделала театральный вздох. — О, я

просто наблюдаю. И заметила, что Амели явно что-то скрывает. — Она подмигнула мне, но я только пожала плечами, не зная, что ответить.

— С чего бы это? — спросил Лука, и в голосе прозвучала тихая осторожность, будто он читал между строк.

— Ну, я не гадалка в седьмом поколении, — хмыкнула Софи и кивнула на меня. — Но скажу честно, я почти уверена. Ты была у Фостера, да?

Я вздрогнула, сердце сжалось. Слова прозвучали как вызов, и я почувствовала, что все мышцы напряглись.

— Я... нет. — я старалась говорить ровно, но голос предательски дрожал.

— Ага, конечно, — Софи подняла бровь, ухмыляясь как кошка, которая поймала добычу. — Так ушла с ним из клуба и исчезла... я же не дура, Амели.

Лука отступил на шаг, руки скрестил на груди. Он молчал, наблюдал, но взгляд стал напряжённее, подозрительнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.